

«Расскажите Чайковскому новости...»
Чак БЕРРИ

— Расскажите о времени, в котором создавалась и жила «Встреча с песней». Почему она стала такой, какой ее знают все?

— Тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год. Три года брежневского правления. Еще не начали закручивать гайки. Но на радио все продолжают разговаривать штампованным, казенным языком, то впадая в патетику, то расточая приторный елей. К этому времени я окончил Театральный институт имени Щепкина при Малом театре. И при создании передачи меня интересовала актерская сторона. То есть суметь не быть на радио актером, а это крайне трудно. И не быть ни диктором, ни выступающим, а начать с людьми разговаривать.

Кроме того, я хотел восстановить песенный фонд. Тогда если передавали Утесова, то одни и те же десять песен. Русланова, Шульженко — то же самое. Ни Изабелла Юрьева, ни Вертинский, ни Петр Лещенко, само собой, не звучали. И когда появилась Алла Баянова, мне сказали: хоть о ней и пишут в «Советской культуре» — ни в коем случае. Это газета. А радио — средство воздействия на граждан.

Однако начиная с когда-то запрещенных и забытых песен Бернеса, Шульженко, Утесова, которые не записывались на радио или были размагничены, я начал восстанавливать песенный и романсовый фонд. Постепенно появилось имя Изабеллы Юрьевой, с огромным трудом — Петра Лещенко. В восьмидесятые годы впервые зазвучал Высоцкий.

Моя «спортивная» задача заключалась в том, чтобы в эфире пошло все, что было запрещено. Как понимаете, задача крайне интересная.

Однако из каждой передачи все равно вырезало минут по десять. На сценарии должно было стоять семь подписей разного рода цензоров.

— Это воспринималось как норма?

— Как необходимые для преодоления преплоны. А я никогда не был ни в комсомоле, ни в партии (я этим не горжусь, просто так получилось), и мне, кроме самой передачи, терять было нечего. И в этом смысле я рисковал. Председатель Гостелерадио Лапин вызывал меня на ковер, распекал, грозил уволить. А человек он был очень жесткий, и он уволил сотни людей, у которых ведь не было другой профессии... Помню, как он зарубил юбилейный, сотый, выпуск передачи. Он кричал: «Получается, Леонид Ильич Брежнев ничего для советского народа не делает, а вы делаете!» А ведь дело в том, что мы многое делали помимо передачи. Отвечали на письма, писали руководству района, откуда пришли письма, с просьбой помочь инвалиду Отечественной войны, разобраться с ситуацией... И об этом было с гордостью рассказано в сотом выпуске, и это его потрясло.

Все сокращения делались в последнюю минуту, резало по живому, и иногда я чуть не плакал. Признаться, они были прямо в точку, они уничтожали одну фразу, но ради нее все было сделано. Причем редактор мне говорила: ты можешь пойти в театр, филармонию и там работать, а у меня мама старенькая, и если меня уволят — куда я пойду?

Когда начинаются всхлипы по прошлым дням, я вспоминаю и об этом тоже.

— Однако что-то останавливало начальство и передачу не закрывали...

— Лапин был человеком умным, он был сильным идеологом, хитрым, и понимал, что опираться можно на то, что сопротивляется. Он не любил трусости и не требовал трусости.

Кроме того, огромное количество писем учитывали в ЦК партии, это ведь сейчас плюют на них.

А еще мне говорили, что член Политбюро ЦК КПСС председатель Совета Министров РСФСР Дмитрий Степанович Полянский любил слушать «Встречу с песней». Правда, были из ЦК и другие звонки: «Что у вас там появилось за мальчик, который как-то вздыхает, что-то не похож на других?» Мне говорили — перестаньте вздыхать. Я говорил — я просто дышу, это ведь органично.

Ведущий Олег ПШЕНИЧНЫЙ

Прежде чем перейти к главной теме сегодняшнего выпуска, хочу предупредить вас, что 27 февраля выйдет уже второй номер специальной цветной музыкальной газеты «Московский бит».

Вы встретите там имена Чака Берри и Кшиштофа Пендерецкого, молодых групп Spice Girls и Kula Shaker, заметки о группах «Ноль» и «Алиса». А теперь — к делу. Мы уже сообщали о том, что радиопередача Виктора Татарского «Встреча с песней» выдвинута на Государственную премию. Мы рассказывали и о том, что его, возможно, внесут в «Книгу рекордов Гиннеса»: тридцать лет на одном и том же канале в одно и то же время без единого перерыва выходит программа, которую создает и ведет один и тот же человек. Он устраивает нам встречу с песней, сегодня мы решили устроить встречу с ним

Фото Сергея КУЗНЕЦОВА

Татарский сделал радио одушевленным предметом

После августовского путча был удивительный случай: когда вместо «Радио-1» на первом канале трансляции очутилось «Радио России», Ленсовет проголосовал за уникальное решение. По предложению кронштадтского депутата Владимира Степановича Андреева на время передачи «Встреча с песней» программы «Радио России» должны прерываться и транслировать его программу! Так продолжается и до сих пор. Естественно, что во время юбилея программы самым дорогим было поздравление, подписанное «Кронштадтцы»

— У вас ведь были и другие программы...

— В начале семидесятых возникла идея создания на «Маяке» передачи «Запишите на ваши магнитофоны». А ребята это и нужно — нужно было иметь записи, которые на «черном рынке» стоили огромных денег. А «Маяк» можно было записать с УКВ, чистенько. Таким образом мы сбивали тогдашним воротилам пластиночного мира цены.

Кстати, дважды эту программу подставляли молодежные газеты, и сейчас хорошо известны и популярны. Одна — не желая, а второй раз — это был донос. Первый раз было написано, что Татарский приближает молодежь к поп-музыке, и это хорошо и правильно. Лапину это доложили, и передачу закрыли. А потом она возродилась, как газета в революцию, под другим именем — «На всех широтах», но в то же время и на той же

станции. И вот во второй раз была чистая подставка — в другой известной газете было напечатано, что в такой-то передаче герои пьют шампанское, и об этом песня... Лапин опять ее закрыл. На рубеже восьмидесятых мы ее открыли в третий раз, она называлась «Мелодии зарубежной эстрады». Но нам сказали: одна песня должна быть советская, вторая — стран социализма, а третья — Япония или Куба! И только одна-две песни могли быть по-английски. Но ведь вся главная зарубежная музыка — «Лед Зеппелин», «Криденс», «Би Джиз» — это все английский. Кстати, «Лед Зеппелин» («Лестницу в небо») мы передавали, впервые люди ее услышали от нас, но это было в первых передачах. А в третьей нам этого уже не давали. И тогда я сказал — такой хоккей нам не нужен. Закрывались сами. Это было на рубеже восьмидесят второго года.

А еще я веду «Музыкальный глобус», скоро тоже тридцать лет, но здесь я выступаю просто как ведущий. Это моя профессия, а сердце мое — во «Встрече с песней».

— Наверное, со временем у вас появились друзья среди выдающихся артистов?

— Нет, немного. Я не навязывал себя никому. Мы дружили с Леонидом Осиповичем Утесовым, я чувствовал нежное человеческое отношение еще и потому, что я восстановил большое количество его песен. Я до сих пор дружу с Изабеллой Даниловной Юрьевой (чей голос после длительного молчания впервые прозвучал во «Встрече с песней»), Аллой Николаевной Баяновой, которая тоже стала впервые звучать во «Встрече».

— А из более молодых?

— Я был в очень хороших отношениях с Игорем Тальковым, он бывал у меня дома. Мы очень разные, но что-то нас сближало. Я очень симпатизирую Боре Гребенникову... Борис Борисович. Он уже три раза бывал у меня на радио, и мы делали большие, полнокровные беседы. Андрюшу Мисина я очень уважаю.

— Какой путь, по-вашему, прошла эстрада за последние десять лет?

— Но сегодня другая цензура, денежная...

— Да, и многие люди теряют себя, ломаются. Они становятся не актерами, не писателями, не художниками, а исполнителями чужой воли, воли денежного мешка. Вы думаете, я сейчас не мог бы записывать рекламу? Мне это постоянно предлагают, ведь у меня «раскрученный голос», и я мог бы быть, наверное, очень богатым человеком. Но я же не пошел на это, мне было стыдно перед собой и перед своими слушателями.

— Вас не пугает то, что происходит на современном радио? Вы, наверное, это слышите, уши закрываете?

— Нет, я даже иногда считаю — чем хуже, тем лучше. В конце концов поймут, что каждый должен заниматься своей профессией, и так бесконечно продолжаться не может. Идут совершенно дикие ударения, развязный балаганный тон. Все молодежные радиостанции говорят на одном диалекте и мажут одной краской. В конце концов придет человек и скажет: так, друзья, давайте разберемся.

— А как вы относитесь к стилю и манере «Би-би-си» и «Радио Свобода»?

— Они создали уникальный стиль, манеру подачи, чтобы их сразу можно было узнать в эфире. Но лично мне они не были интересны. Во-первых, у их журналистов неинтересный голос. Во-вторых, они всегда были высокомерны по отношению к нам, считая, что мы сидим в каком-то чулане. Севу Новгородцева я никогда не воспринимал. Мне неинтересны были его собственные изыски, дуракаваляние — в этом я слышал абсолютную издевку над нашей молодежью.

— Сейчас вы ведете цикл «Возвращение Третьяковки» на ОРТ...

— Я не люблю случайно появляться на экране, лишь бы показаться. К тому же я не спешил расшифровывать свое лицо — ведь миллионы людей знают мой голос, и при этом каждый представляет себе близкого для себя человека.

Двадцать пять лет меня не было на экране, а потом предложили за кадром вести цикл «Эрмитаж». И вот затем «Третьяковская галерея». Все-таки это не случайно, это — цикл. И мне вот что важно: двенадцать лет галерея была закрыта, а теперь у людей просто нет возможности купить билет, приехать в Москву, поэтому это очень важная для меня программа.

— А как вы сами относитесь к современному телевидению?

— Нормально. Просто я смотрю выборочно. Меня интересовал Леонид Парфенов в «Намедни», почти всегда интересуется Познер.

— Как вы отнеслись к «Старым песням о главном»?

— Я глянул краем глаза, но переключил, это было невыносимо совершенно. Такая вампука! Некоторые нынешние артисты хорошо поступают со старой песней, но это редко. Я вообще своей любви к Борису Гребенникову я песни Вертинского в свои программы включаю в оригинале. А Боря пусть поет свои замечательные песни. Я не могу не признать, что «То, что я должен сказать» прекрасно исполнил, но я люблю оригинал. Даже если это старая шипящая пластинка.

— И последний вопрос. Зная, как к вам относятся слушатели, вы не испытывали комплекса звезды?

— Никогда. Мне это не опасно. У меня нет особых доказательств... Но, как писал Светлов: «Значения своего я не превысил. Мне это не к лицу. Мне — не идет». Я прекрасно понимаю, что авторская передача — наполовину авторская. Не было бы писем — ничего бы не было.

● Беседовал
Олег ПШЕНИЧНЫЙ